

*

Там, где воды плещутся, живет прекрасная женщина. Я хотел бы плыть против течения, чтобы оказаться рядом с ней. Но на пути лежат опасные пороги, и дорога кажется бесконечно длинной. Я хотел бы плыть по течению, чтобы найти ее следы. Но вдали, словно в тумане, она стоит в самом центре вод.

*

— Госпожа, держитесь еще немного... Скоро все закончится...

— Госпожа...

— Позвольте мне увидеть ее, я ее бывший муж...

— Господин... Господин...

Сы Сянь чувствовала, как свет лампы режет глаза, а тело будто придавило тяжелым камнем, не давая вздохнуть. Тупые, ноющие боли пронизывали ее. Веки отяжелели, пальцы судорожно сжимали ткань под рукой. В полузабытьи она ощутила, как чья-то мягкая рука сжала ее ладонь. Голова кружилась, она не могла поднять веки, но тепло от руки успокаивало. Рука была такой же теплой, как у той, кто любил прикасаться к ее щекам. В те первые годы после окончания учебы, когда зимы были особенно холодными, та женщина всегда прижимала ладонь к ее покрасневшим от мороза щекам и спрашивала: «Тебе не холодно?»

Нет, не холодно.

Сладкие воспоминания теперь казались обжигающей пощечиной.

Цзы Цзюньнин говорила, что роды в воде полезны для развития ребенка. Если бы она была здесь, ребенок наверняка рос бы в любви и заботе. Сы Сянь так хотела, чтобы Цзы Цзюньнин была рядом, чтобы она поддерживала ее в ожидании нового человека, чтобы они вместе могли наблюдать, как их ребенок делает первые шаги, лепечет первые слова, называет их мамами, получает свои первые пятерки, капризничает, влюбляется. Столько всего, что Сы Сянь мечтала разделить с Цзы Цзюньнин. Но, кажется, уже слишком поздно.

Слишком поздно.

Слишком поздно.

Все уже слишком поздно.

Во сне она снова увидела Цзы Цзюньнин. Та стояла на школьной сцене в форме, представляясь новым ученикам. Цзы Цзюньнин перевелась в их школу из Пекина во втором семестре второго класса старшей школы.

— Привет всем, меня зовут Цзы Цзюньнин. Цзюнь — как в слове «гром», а Нин — это древний иероглиф, немного сложный в написании, но его значение такое же, как у иероглифа «покой». Мне нравится Тереза Тенг, я знаю все ее песни. У меня не очень хорошо с учебой, так что надеюсь, что вы, ребята, поможете мне. Спасибо.

— Привет, я Цзы Цзюньнин. Я знала, что мы идем домой в одном направлении.

— Я знаю твое имя, Сы Сянь. «Пятьдесят струн циня без причины, каждая струна, каждый

столб — воспоминание о юности».

В те времена одежда была просторной, а Сы Сянь носила вещи своего отца. Ветер надувал ткань, и она, едва поздоровавшись с Цзы Цзюньнин, отвернулась. В отличие от любопытных одноклассников, она не испытывала интереса к этой новенькой из Пекина. Тогда она уже вернулась в свой старый дом, где каждый день думала о том, как прокормиться. Хотя соседи приглашали ее поест, она стыдилась этого и никогда не позволяла себе съесть больше, чем нужно. Время было тяжелым — она росла, училась, и часто голод сводил ее с ума.

На зимних каникулах она подрабатывала в городке, но денег это не приносило. В те времена у всех было туго. Учиться казалось бесполезным, лучше было уехать на заработки. Третий дядя уже ушел в бизнес, и хотя они не поддерживали связь, она надеялась, что, будучи родственником, сможет рассчитывать на его помощь. Тогда Сы Сянь о многом думала.

— Ты проснулась?

Сы Сянь с трудом подняла руку, пытаясь снять кислородную маску. Ее голос был едва слышен. Лао Чжан, глаза которого были красными от усталости, прервал ее, поправив одеяло:

— Поспи еще.

— Ре... ребенок...

— Ты поправляйся, ребенок... ребенок в инкубаторе.

— ...Ну... если с ребенком все... в порядке... — Сы Сянь с трудом проговорила эти слова и снова погрузилась в сон.

Лао Чжан посидел еще немного, потер виски и вышел. Его подруга стояла в коридоре, кусая палец, и, увидев его, подошла:

— Она проснулась?

— Ненадолго, сейчас спит.

— Ребенка нет... Ты бы мог сейчас подать заявление, чтобы получить хоть какую-то компенсацию...

— Хватит! — Лао Чжан рассердился. — Деньги можно заработать, зачем доводить человека до края? Ребенок был и моим тоже, хватит об этом.

— Ага, теперь ты на меня злишься! Я же за тебя и за нашего будущего ребенка стараюсь? Ты уже в таком возрасте, много ли зарабатываешь?

— Домой!

— Ты все еще думаешь о той женщине, зачем тогда развелся? Воссоединяйтесь, воссоединяйтесь!

Лао Чжан, раздраженный, поднял руку, но опустил ее, сел в стороне и перестал обращать на нее внимание.

— Лао Чжан... — Подруга поняла, что перегнула палку, и, толкнув его за плечо, сказала с обидой. — Я знаю, тебе тяжело, ты больше всех переживаешь из-за ребенка.

Лао Чжан помолчал, вздохнул:

— Цзюньнин ушла, и Сы Сянь возлагала все надежды на этого ребенка. А теперь ребенка нет... Я...

— Лао Чжан, не сердись на меня за мои слова, — подруга заговорила. — Когда я тогда пошла к ней, я действительно думала, что ошиблась, что между ней и той женщиной ничего нет. Как жестоко — так поступить с женщиной, которая была рядом столько лет. Не смотри на меня так, я больше не буду, ладно?

— Ты не понимаешь чужих дел, не пытайся угадывать, — Лао Чжан посмотрел на палату. — Сы Сянь... Я знаю ее давно, она много страдала. Ее сердце было горьким, и только Цзюньнин могла сделать его сладким.

— Лао Чжан, скажи мне честно, ты раньше не замечал, что у нее с той женщиной что-то есть?

— Не думал об этом. Наверное, считал, что и я могу сделать ее счастливой. Я был слишком самонадеян, мне стыдно.

— Никто не мог предположить, что все так обернется, ты не виноват, — подруга взяла его руку в свои, и Лао Чжан, вспомнив свою дочь, которая так и не успела увидеть мир, почувствовал, как на глаза навернулись слезы.

В последние дни Сы Сянь чувствовала себя уставшей, но сердце ее было наполнено теплом, и сны были добрыми. Она видела, как Цзы Цзюньнин играет с их ребенком.

— Мне кажется, ребенок больше похож на меня, чем на тебя.

— На тебя — хорошо.

— Если на меня, то я заберу ее с собой.

— Тогда забери и меня.

Цзы Цзюньнин улыбнулась с легким упреком:

— Ты же не похож на меня.

— Но я люблю тебя.

— Ну хорошо, я и тебя заберу.

Сы Сянь почувствовала, что силы возвращаются к ней, пальцы стали крепче. В тот день, проснувшись, она увидела Лао Чжана, который чистил яблоко у ее кровати:

— Лао Чжан, ребенок все еще в инкубаторе?

— Да.

— Я чувствую, что силы возвращаются, отведи меня к нему.

— Подожди, пока сможешь что-то съесть.

— Отведи меня, я хочу увидеть ее. Она похожа на меня?

— Ребенок слишком маленький... Как можно сказать?.. — Лао Чжан опустил голову, боясь, что Сы Сянь заметит его волнение. — Ты еще слишком слаба, подожди немного, и я принесу ребенка.

— Хорошо.

Сы Сянь еще немного поговорила о своих снах, с трудом съела немного еды и снова уснула.

— Лао Чжан, — подруга, узнав о его скрытности, сказала. — Думаю, тебе лучше сказать ей правду как можно скорее, иначе будет только хуже.

— Но она еще так слаба.

— Лучше короткая боль, чем долгая.

В тот день Лао Чжан пришел позже. Сы Сянь встала с постели, чувствуя, что у нее появились силы. Она хотела увидеть ребенка. Разговаривая с медсестрой, она заметила, что та избегает ее взгляда, и у Сы Сянь возникло плохое предчувствие. Вспомнив, как Лао Чжан уклонялся от ответов последние дни, она почувствовала, как сердце сжалось. Ее ребенок, ее ребенок...

Третий дядя — мужчина.

Пекин.

Тереза Тенг — женщина.

Цзы Цзюньнин — женщина.

Сы Сянь — женщина.

<http://bllate.org/book/16743/1561464>